

УДК 911.3 (26)

А. Г. Дружинин^{1,2,3}

Особенности формирования диаспор ведущих этносов Центральной Азии в приморских регионах России

¹ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

²ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет
им. И. Канта», г. Калининград, Российская Федерация

³ФГБУ «Институт географии РАН», г. Москва,
Российская Федерация

e-mail: alexdru9@mail.ru

Аннотация. Для России этнодемографическая проблематика — не только традиционно значима, но и теснейшим образом корреспондирует с актуальными вопросами пространственного социально-экономического развития, с евразийскими интеграционными процессами. С начала 2000-х годов всё более осязаемое влияние на трансформацию этнодемографической структуры российских регионов оказывает миграционная активность ведущих этносов Центральной Азии; наибольшая динамика формирования соответствующих этнических диаспор характерна, при этом, для российских регионов, лидирующих по уровню и темпам своего экономического развития. В статье сделана попытка идентифицировать (на основе данных последних всероссийских переписей населения) сопряжённость этнической миграции с процессами талассоаттрактивности, выявить воздействие «морского фактора» на локализацию этносов Центральной Азии в регионах Российской Федерации.

Ключевые слова: этносы, этнические диаспоры, приморские регионы, евразийство, Россия, Центральная Азия, Евразия

Введение

Прошло практически столетие с момента издания (1921 г.) сборника «Исход к Востоку» [1], ознаменовавшего собой конституирование особого философско-политического направления, известного как «евразийство», чьи идеи, концепты ныне не только оказались важной, полноправной частью отечественного общественного дискурса [2], но и стали значимым маркером и инструментом сложных, противоречивых постсоветских геополитических и геоэкономических процессов. Одни из базовых положений «евразийства» (например, о «Евразии» как особой пространственной целостности, о судьбоносном характере для России славяно-тюркского этнокультурного диалога) продолжают являть свою актуальность; иные фундаментальные аспекты данной доктрины (акцент на преимущественную «континентальность» нашей страны, риски для неё вовлечения в океанические хозяйственные обмены) в новой реальности — оказались лишь частично верифицированы, обретя, при этом, дополнительные стороны, грани. В частности, ныне (в связи, в том числе и с приоритетом становления «Большой Евразии») существенно возрастает мотивация, ценность партнёрства Российской Федерации с государствами Центральной Азии

(макрорегиона, в XXI столетии обретающего в евразийской геоэкономике и геополитике ключевые позиции [3–7]), реализуемого в существенной мере благодаря масштабному миграционному «скрепу». Одновременно с этим, наперекор инерции пространства и его структур, наша страна в силу множества обстоятельств (в том числе и собственно евразийских процессов [8]) вынуждена всё в возрастающей мере становиться и «морской» державой, что повышает значимость её побережий, инициирует их социально-экономическую притягательность.

Цель статьи — идентифицировать (на основе данных последних всероссийских переписей населения) сопряжённость этнической миграции с процессами талассоаттрактивности («притяжения к морю» [9]), выявить воздействие «морского фактора» на локализацию этносов Центральной Азии в регионах Российской Федерации.

Материалы и методы

Инструментальной основой проведённого исследования выступают культивируемые российской общественной географией представления о «факторе моря» в пространственной социально-экономической динамике [10], об эффектах «притяжения к морю» населения и систем расселения [11], а также наработки в области демографии и этногеографии современной России [12–16], имеющиеся подходы по учёту влияния на этнодемографические структуры миграционных процессов [17–19]. Авторские выводы и аналитика базируются на данных Росстата, включая материалы Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов. Иллюстрируя лишь «верхушку айсберга» присущих стране этнодемографических изменений, соответствующая статистика даёт возможность, тем не менее, в целом корректно отразить особенности локализации этнических диаспор, в том числе и крупнейших этносов Центральной Азии. Особый акцент, при этом, сознательно сделан на выявлении особенностей размещения на территории России представителей узбекского этноса (на его долю приходится не только 84% населения Республики Узбекистан, но почти 40% демографического потенциала всего центрально-азиатского макрорегиона) и идентификации, на этой основе, приморских регионов Российской Федерации, характеризующихся наиболее ощутимым влиянием «центрально-азиатского фактора» на этнодемографическую динамику.

Результаты и обсуждение

Миграционный поток в Россию представителей центрально-азиатских этносов устойчиво нарастал все 2000-е годы, достигнув максимума в 2011 г. Соответствующим образом видоизменялось и «присутствие» титульных народов Центральной Азии в этнодемографической структуре Российской Федерации. Если, согласно переписи 1989 г., свою принадлежность к ним декларировали 331 тыс. чел., а в 2002 г.—339 тыс., то в 2010 г. — уже 695 тыс. (что более чем удвоило долю центрально-азиатских этносов в населении нашей страны: с 0,21% до 0,48%). Почти 48% прироста численности представителей пяти ведущих центрально-азиатских этносов пришлось, при этом, непосредственно на лиц узбекской национальности. Повсеместный (по всем регионам России) рост

соответствующей диаспоры сочетался с выраженной пространственной неравномерностью процесса, с превалированием экономических мотивов миграции, с преимущественной концентрацией представителей узбекского этноса в ведущих, экономически наиболее «сильных» регионах. Данная тенденция характерна и для приморских территорий, где, в то же время, как свидетельствует авторский анализ, численность узбекской диаспоры за последний межпереписной период (2002–2010 гг.) прирастала более интенсивными темпами, чем по России в целом (табл. 1).

Таблица 1

Локализация представителей узбекского этноса в приморских регионах России в 2002 и 2010 гг.*

	Число узбеков в 2002 г., чел.	Число узбеков в 2010 г., чел.	Изменение численности узбеков за 2002-2010 гг.	Рост численности узбекской диаспоры за 2002-2010 гг., раз	Доля узбеков в населении 2002 г, промилле	Доля узбеков в населении 2010 г, промилле	Изменение доли узбеков в населении за 2002-2010 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8
Россия	123000	289862	166862	2,36	0,85	2,03	1,18
Республика Карелия	273	554	281	2,03	0,38	0,86	0,48
Республика Коми	709	939	230	1,32	0,70	1,04	0,34
Ненецкий автономный округ	10	118	108	11,8	0,24	2,80	2,56
Архангельская область без автономного округа	184	335	151	1,82	0,14	0,28	0,14
Калининградская область	631	2245	1614	3,56	0,66	2,39	1,73
Ленинградская область	1001	6717	5716	6,71	0,60	3,91	3,30
Мурманская область	463	1122	659	2,42	0,52	1,41	0,89
г. Санкт-Петербург	2987	20345	17358	6,81	0,64	4,17	3,53
Республика Калмыкия	142	211	69	1,49	0,49	0,73	0,24

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8
Краснодарский край	2210	3469	1259	1,57	0,43	0,66	0,23
Астраханская область	1030	2658	1628	2,58	1,02	2,63	1,61
Ростовская область	1820	2753	933	1,51	0,41	0,64	0,23
Республика Дагестан	245	418	173	1,71	0,10	0,14	0,04
Ямало-Ненецкий автономный округ	979	1775	786	1,81	1,93	3,40	1,47
Красноярский край	2778	6434	3656	2,32	0,94	2,28	1,34
Республика Саха (Якутия)	1207	3332	2125	2,76	1,27	3,48	2,21
Камчатский край	267	646	379	2,41	0,75	2,01	1,26
Приморский край	1634	8992	7358	5,50	0,79	4,60	3,81
Хабаровский край	1257	3212	1955	2,56	0,87	2,39	1,52
Магаданская область	201	532	331	2,65	1,10	3,39	2,29
Сахалинская область	298	1518	1220	5,09	0,55	3,05	2,50
Чукотский автономный округ	36	79	43	2,19	0,67	1,55	0,88

* Составлено автором по данным переписей населения 2002 и 2010 гг. (данные по Республике Крым и городу Севастополь не учитывались).

Согласно переписи 2002 г., в приморских регионах страны (данные по Республике Крым и городу Севастополь в расчёте не учитывались) на постоянной основе проживало 20 362 представителя узбекского этноса (16,6% от общероссийского показателя). В 2010 г. соответствующая цифра возросла до 68404 человек (23,6 % от всего узбекского населения РФ). В итоге, если в целом по России за 2002–2010 гг. численность диаспоры возросла в 2,36 раза, то непосредственно в приморских регионах — в 3,36 раза. Весомую часть прироста «приняли» Санкт-Петербург (36%) и Ленинградская область (11,9%). Иными значимыми аттракторами миграции оказались Приморский край (15,3% всего прироста узбекской диаспоры), Астраханская область (3,4%), Калининградская

область (3,3%), Сахалин (2,5%). Всё это — ведущие, наиболее значимые («опорные») приморские регионы России (табл. 2).

Таблица 2

Типологическая группировка приморских регионов России по «присутствию» в них узбекской этнической диаспоры и её динамике за 2002-2010 гг.*

Численность диаспоры	Наиболее крупные (более 10 тыс. чел.)				Санкт-Петербург** (4,17)***;
	Достаточно крупные (5-10 тыс. чел.)			Красноярский край (2,28)	Ленинградская обл. (3,91); Приморский край (4,6)
	Средние (2-5 тыс. чел.)	Ростовская обл. (0,64)	Краснодарский край (0,66)	Астраханская обл. (2,63) Респ. Саха (3,48), Хабаровский край (2,39)	Калининградская обл. (2,39)
Малочисленные (менее 2 тыс. чел.)	Респ. Калмыкия (0,73)	Респ. Карелия (0,86); Архангельская обл. (0,28); Респ. Дагестан (0,14); Ямало-Ненецкий АО (3,40)	Мурманская обл. (1,41); Камчатский край (2,01); Магаданская обл. (3,39); Чукотский АО (1,55)	Сахалинская обл. (3,05), Ненецкий АО (2,80)	
	Незначительный рост либо сокращение численности	Умеренный рост (в 1,5-2 раза)	Средний рост численности (в 2-3 раза)	Наиболее интенсивный рост (в 3 раза и более)	
<i>Динамика диаспоры</i>					

*составлено автором по данным переписей населения 2002 и 2010 гг. (типологическая группировка не включает регионы Крыма)

** ведущие «морские» регионы

*** (...) доля представителей узбекского этноса в населении региона согласно переписи 2010 года, в промилле

Локализация диаспоры (корреспондируя с общей миграционной привлекательностью компонент российского пространства) свидетельствует, тем не менее, о её ориентации не столько на приморские виды деятельности, сколько на ведущие («подпитываемые» в том числе и морской экономикой), наиболее развитые в социально-экономическом отношении приморские регионы и центры. Основной вектор миграции, при этом, направлен на Балтику (51,2% всего численного прироста узбекской диаспоры) и в регионы Тихоокеанской России (23,5%). Ощутимо ниже популярность причерноморских и прикаспийских регионов, где не столь существенны возможности заработка, а также сложнее укореняться в иноэтнической среде.

Выводы

Присущие современной Евразии устойчивые межстрановые и межрегиональные социально-экономические градиенты выступают важнейшим фактором миграционного «поведения» представителей центрально-азиатских этносов, а, следовательно — и формирования, локализации на территории России соответствующих диаспор. «Столицеориентированные» векторы иноэтнической миграции (направленные не только на Москву и Санкт-Петербург, но и на ряд ведущих региональных центров страны) дополняются, при этом (как свидетельствует аналитика по узбекской диаспоре), выраженными эффектами её талассоаттрактивности. Есть основания полагать, что очередная (перенесённая в связи с пандемией COVID-19 уже на 2021 год) всероссийская перепись ещё чётче высветит устойчивый тренд «мореориентированного» (и, при этом, избирательного, сфокусированного на побережьях с выраженной социально-экономической динамикой) пространственно-локализационного «поведения» диаспор ведущих этносов Центральной Азии (узбеки, таджики, киргизы) на территории Российской Федерации.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 20-05-00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы»

Литература

1. Исход к Востоку» Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София. 1921. 135 с.
2. Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону; изд-во Южного федерального университета. 2020. 268 с.
3. Малышева Д. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 5, С. 101–108.
4. Eder T. S. (2014) China-Russia Relations in Central Asia. Energy Policy, Beijing's New Assertiveness and 21st Century Geopolitics. 89 (2), P. 287–294.
5. Pabst A. (2009) Central Eurasia in the emerging global balance of power. American Foreign Policy Interests. 31 (3), P. 166–176.
6. Radnitz, Scott (2018) Between Russia and a Hard Place: Great Power Grievances and Central Asian Ambivalence Europe-Asia Studies 70(10), P. 1597–1611.
7. Svanstom, N. (2012) Eurasia's Ascent in Energy and Geopolitics: Rivalry or Partnership for China, Russia and Central Asia? 2012. P. 1–248.
8. Дружинин А. Г. Евразийские векторы морехозяйственной активности России: общественно-географические проекции // География и природные ресурсы. 2020. № 2. С. 5–14.
9. Дружинин А. Г. Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 28–43.

10. Druzhinin A., 2019. The sea factor in the spatial and socio-economic dynamics of today's Russia. *Quaestiones Geographicae*. 38 (2). *Wydawnictwo Naukowe, Poznań*, P. 91–100.
11. Федоров Г. М., Михайлов А. С., Кузнецова Т. Ю. Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона // *Балтийский регион*. 2017. Т 9, № 2. С. 7–27.
12. Вишневский А. Г., Андреев Е. М., Трейвиш А. И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. Москва, 2003. Сер. 53 Р Научные Труды. 61 с.
13. Дружинин А. Г. «Северокавказская составляющая» трансформации этнической структуры регионов России: (аналитика и комментарии к итогам всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.) // *Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география*. 2013, № 2 (7). С. 3–15.
14. Манаков А. Г. Трансформация территориальной структуры конфессионального пространства России в начале XX–начале XXI в. // *Географический вестник*. 2019, 2 (49). С.13–24.
15. Стрелецкий В. Н. Этнические общности в геокультурном пространстве России (Историческая динамика и региональная структура) // *Вестник исторической географии*, № 1. Смоленск. Изд-во СГУ, 1999. С.31–53.
16. Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.
17. Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И. Трудовые иммиграции в России: динамика и возможные последствия // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2015. № 1 (123). С. 91–100.
18. Письменная Е. Е., Рязанцев С. В., Тикунов В. С. Географические особенности трудовой миграции в контексте евразийской интеграции // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2014. № 5. С. 42–52.
19. Ткаченко А. А. Иммиграция в Россию: новые тенденции XXI века // *Мир новой экономики*. 2014. № 3. С. 32–40.

A. Druzhinin

Peculiarities in Forming Diasporas of the Leading Ethnic Groups of Central Asia in the Coastal Regions of Russia

---

South Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation;
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad,
Russian Federation;
Institute of Geography of the RAS, Moscow, Russian Federation
e-mail: alexdru9@mail.ru

Abstract. *For Russia, ethnodemographic issues are not only traditionally significant, but also closely correspond to topical issues of spatial socio-economic development and Eurasian integration processes. Since the beginning of the 2000s, the migration activity of the leading ethnic groups in Central Asia has had an increasingly significant impact on the transformation of the ethnodemographic structure of Russian regions. At the same time, the greatest dynamics in the formation of the corresponding*

ethnic diasporas is typical for the Russian regions which are leading in terms of their level and tempo of economic development. The purpose of this article is to identify contingency of ethnic migration with the coastalization processes (basing on the data from latest national population census), to identify the impact of the 'maritime factor' on the localization of the Central Asian ethnic groups (Uzbeks, Kyrgyz, Tajiks) in the regions of the Russian Federation.

Keywords. *Ethnic groups, ethnic diasporas, coastal regions, Eurasianism, Russia, Central Asia, Eurasia.*

References

1. Iskhod k Vostoku» Predchuvstviya i sversheniya. Utverzhdenie evraziycev. Kniga 1. Sofiya. 1921. 135 s. (in Russian)
2. Druzhinin A. G. Evrazijskie priority Rossii (vzglyad geografa-obshchestvoveda). Rostov-na-Donu; izd-vo YUzhnogo federal'nogo universiteta. 2020. 268 s. (in Russian)
3. Malysheva D. Postsovetskie gosudarstva Central'noj Azii v politike Kitaya. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2019, t. 63, № 5, S. 101–108. (in Russian)
4. Eder, T.S. (2014) China-Russia Relations in Central Asia. Energy Policy, Beijing's New Assertiveness and 21st Century Geopolitics. 89 (2), P. 287–294. (in English)
5. Pabst, A. (2009) Central Eurasia in the emerging global balance of power. American Foreign Policy Interests. 31(3), P. 166–176. (in English)
6. Radnitz, Scott (2018) Between Russia and a Hard Place: Great Power Grievances and Central Asian Ambivalence Europe-Asia Studies 70(10), P. 1597–1611. (in English)
7. Svanstom, N. (2012) Eurasia's Ascent in Energy and Geopolitics: Rivalry or Partnership for China, Russia and Central Asia? 2012. P. 1–248. (in English)
8. Druzhinin A. G. Evrazijskie vektory morekhozyajstvennoj aktivnosti Rossii: obshchestvenno-geograficheskie proekcii // Geografiya i prirodnye resursy. 2020. № 2. S. 5–14 (in Russian). (in Russian)
9. Druzhinin A. G. Talassoatraktivnost' naseleniya v sovremennoj Rossii: obshchestvenno-geograficheskaya eksplikaciya // Baltijskij region. 2017. T. 9, № 2. S. 28–43 (in Russian)
10. Druzhinin A., 2019. The sea factor in the spatial and socio-economic dynamics of today's Russia. Quaestiones Geographicae. 38 (2). Boducki Wydawnictwo Naukowe, Poznań, P. 91–100. (in English)
11. Fedorov G. M., Mihajlov A. S., Kuznecova T. YU. Vliyanie morya na razvitie ekonomiki i rasseleniya stran Baltijskogo regiona // Baltijskij region. 2017. T. 9, № 2. S. 7–27. (in Russian)
12. Vishnevskij A. G., Andreev E. M., Trejvish A. I. Perspektivy razvitiya Rossii: rol' demograficheskogo faktora. Moskva, 2003. Ser. 53R Nauchnye Trudy. 61 s. (in Russian)
13. Druzhinin A. G. «Severokavkazskaya sostavlyayushchaya» transformacii etnicheskoj struktury regionov Rossii: (analitika i kommentarii k itogam vserossijskih perepisej naseleniya 2002 i 2010 gg.) // YUzhno-rossijskij forum: ekonomika, sociologiya, politologiya, social'no-ekonomicheskaya geografiya. 2013, № 2 (7). S. 3–15 (in Russian)

14. Manakov A. G. Transformaciya territorial'noj struktury konfessional'nogo prostranstva Rossii v nachale XX - nachale XXI v. // Geograficheskij vestnik. 2019, 2 (49). S. 13–24. (in Russian)
15. Streleckij V. N. Etnicheskie obshchnosti v geokul'turnom prostranstve Rossii (Istoricheskaya dinamika i regional'naya struktura) // Vestnik istoricheskoy geografii, № 1. Smolensk. Izd-vo SGU, 1999. S.31–53. (in Russian)
16. Druzhinin A. G. Rossiya v mnogopolyusnoj Evrazii: vzglyad geografa-obshchestvoveda. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2016. 228 S. 17. (in Russian)
17. Rybakovskij L. L., Kozhevnikova N. I. Trudovye immigracii v Rossii: dinamika i vozmozhnye posledstviya // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2015. № 1 (123). S. 91–100. (in Russian)
18. Pis'mennaya E. E., Ryazancev S. V., Tikunov V. S. Geograficheskie osobennosti trudovoj migracii v kontekste evrazijskoj integracii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya. 2014. № 5. S. 42–52. (in Russian)
19. Tkachenko A. A. Immigraciya v Rossiyu: novye tendencii XXI veka // Mir novoj ekonomiki. 2014. № 3. S. 32–40. (in Russian)

Поступила в редакцию 01.07.2020 г.